

Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Кавказские Региональные Исследования издаются на русском и английском языках. Печатное издание распространяется в Азербайджане, Армении, Грузии, России, Западной Европе и США. Электронную версию можно получить через систему ИНТЕРНЕТ по следующему адресу: <http://www.vub.ac.be/POLI/>.

ISSN 10278540

Том 3, No 1, 1997

РОССИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ*

Виталий Наумкин**

На южном фланге бывшего Советского Союза Закавказье является большим приоритетом для России, чем Средняя Азия (за исключением Казахстана). Географическое расположение Закавказских республик, лежащих между Россией, с одной стороны, и Ираном и Турцией, с другой, и связывающих регионы Каспийского и Черного морей, является первостепенно важным в этом отношении. Необходимо также учитывать смешанный этноконфессиональный состав Закавказья, отражающий наличие христианской и мусульманской традиции в самой России, и тесные контакты между Южным и Северным Кавказом. Нельзя пренебрегать и богатыми минеральными ресурсами закавказского региона.

Полная запутанность проблем, с которыми сталкивается Россия при определении своей политической ориентации в отношении Закавказья, и выработка последовательного внешнеполитического курса в регионе, с трудом может быть сведена к установлению выбора между двумя альтернативами. Но, рассматривая реальности и конфликты региона, в котором в общем существуют две противостоящих друг другу стороны, может возникнуть соблазн сократить число принимаемых решений до двух. Любая попытка подняться выше многочисленных причин конфликта или, тем более, играть примиряющую, объединяющую роль, ограничивается неадекватными интерпретациями конфликтующих сторон и в любом случае ставит перед необходимостью выбора.

Сложность выбора между территориальной целостностью или самоопределением хорошо известна. Какие бы теоретические критерии и общие правовые принципы не изобретались для разрешения этого неизбежного противоречия, политическое поведение в этом отношении неизбежно принимает во внимание политические интересы. Конфликтные отношения в Закавказье существуют между осетинами и грузинами, грузинами и абхазами, армянами (не только карабахскими армянами) и азербайджанцами, лезгинами и азербайджанцами. История прошедших лет, и особенно 1991-1993 годов, показала, что на политический выбор России между

правом на самоопределение и принципом территориальной целостности оказывают сильное влияние групповые и ведомственные интересы, которые нынешняя администрация пытается примирить и поставить под служебный и правовой контроль. В случае с Абхазией существовали влиятельные силы внутри “патриотической” части российского политического спектра, которые защищали право на самоопределение, а в случае с Нагорным Карабахом не “патриотические”, а “либерально-демократические” силы России оказали сильную поддержку его национальному движению.

Отсутствие безопасности всей постсоветской внутригосударственной структуры, остро ощущаемое почти всеми проживающими на этом пространстве, не является наилучшим помощником в поисках компромисса между этими принципами. “Почему для Запада оказалось возможным признание права боснийцев на самоопределение, составлявших 25 процентов населения территории, или одобрение создания “Македонии”...”, - спрашивает русский политолог В. Надеин-Раевский, - “и непризнание национальных прав осетин и абхазов в Грузии?”. Эта критика предполагает не отрицание того факта, что были признаны исключительно союзные республики СССР, а желание до предела обеспечить национальные права этнических групп, которые играли роль меньшинств в новых независимых государствах (ННГ), также как и обеспечение права на обсуждение легитимности и взаимной допустимости границ в рамках мирных переговоров, а не угрозы использования силы. Чеченский кризис охладил тех российских политиков и экспертов, которые были склонны по тем или иным причинам поддерживать радикальное удовлетворение претензий этнических движений на государственность в Закавказских республиках.

Сходства между абхазской и чеченской ситуациями и возможность вовлечения Грузии в качестве партнера в обеспечении стабильности на Северном Кавказе, заставили те “патриотические” силы России, которые в прошлом ориентировались на полную поддержку абхазского национального движения в его конфронтации с Тбилиси, повернуться к компромиссным решениям.

Одна из наиболее важных проблем безопасности для Москвы касалась пересмотра предполагаемых Договором ОВЕ фланговых квот. Новые реальности - вывод российских войск из стран Восточной Европы и балтийского региона, тот факт что Запад более не угрожает России, появление очагов напряжения возле ее южных границ, и чеченский кризис - побудили Москву поднять вопрос о пересмотре этих квот, что было встречено с жестким сопротивлением со стороны ряда государств, прежде всего Турции, с которой этот вопрос превратился в одну из самых остро обсуждаемых проблем двусторонних отношений. В конце ноября 1995 года официальный представитель министерства иностранных дел Российской Федерации выразил удовлетворенность решением совместной консультативной группы касательно соглашения продолжить дискуссию по проблеме флангов, принимая во внимание позицию Москвы.(1) Позже пересмотр Договора ОВЕ был включен в повестку дня между Россией и НАТО, а затем в Основополагающий Акт НАТО-Россия.

В своей политике безопасности в Закавказье Россия учитывает угрозу, риск и вызов стран, прилегающих к региону с юга. Российский военный эксперт Л.Вартанян, кроме военной угрозы странам СНГ, включает такие проблемы как “сохранение или создание военных сооружений в прилегающих к территории стран СНГ государствах, превосходящие их оборонительные потребности”.(2) В этом отношении необходимо указать на часто выражаемые опасения относительно растущего военного потенциала Турции. Даже некоторые представители либеральных партий, такие как вице-председатель Комитета Обороны Государственной Думы А. Арбатов, часто говорят о турецкой угрозе.

Можно сказать, что в защите своих интересов в Закавказье и Средней Азии, Россия больше всего занята своей безопасностью, отдавая настоящий приоритет военно-

политическим средствам обеспечения своих позиций. Главным образом это триада: “базы-границы-миротворчество” или, более точно, сохранение военных баз на территории закавказских республик, участие в охране внешних границ СНГ и участие в миротворческих операциях в зонах конфликтов. К этому, вероятно, должно быть добавлено создание пограничного режима между Россией и закавказскими республиками.

Необходимо указать, что опора на эту триаду может твердо и полностью гарантировать российские интересы, какими бы они не были. Цели военного присутствия не определены; нет денег на сохранение баз; несмотря на тот факт, что по закону иностранные граждане не могут служить в вооруженных силах России, среди российских пограничников есть много местных граждан; Грузия имеет большие трудности с приемом, а Азербайджан вообще не склонен разрешить присутствие в республике российских военных или пограничников.

Доклад “СНГ: начало или конец истории?”, анонимно опубликованный в марте 1997 года в Независимой Газете,⁽³⁾ произвел сенсацию. Выбор, сформулированный авторами доклада в отношении Закавказья, следующий: анти-российская дуга или контролируемая ось нестабильности. Нынешняя ситуация в Закавказье описывается как появление анти-российской дуги (“Нефтяной контракт (добыча и транспортировка) в состоянии, пользуясь деньгами иностранных инвесторов, объединить большинство стран Средней Азии и Закавказья на антироссийской основе”). Это привело бы к “окончательному уходу” России из Закавказья и затем с Северного Кавказа, чему может быть противопоставлено только лишь стремление “активно способствовать ослаблению позиции антироссийски настроенных сил в Азербайджане и Грузии и одновременно демонстративно усилить свое экономическое и военно-политическое присутствие в Армении, пока Запад и соседние с этой республикой страны не нашли средств для переориентации Еревана на страны Запада”. Авторы доклада призывают министерство иностранных дел Российской Федерации “трудиться над разрушением любых попыток создания многоцентриа или двоецентриа на постсоветском пространстве”.

Выраженные в этом докладе идеи побудили министерство иностранных дел Российской Федерации сделать заявление, осуждающее эти идеи как провокационные. На конференции Совета министров иностранных дел СНГ Примаков отмежевал себя от доклада и заявил, что такие материалы наносят ущерб как самой России, так и перспективам ее отношений со странами Содружества. На брифинге в Москве официальный представитель министерства иностранных дел Российской Федерации Г. Тарасов осудил доклад как “тенденциозную статью с претензией на геополитику”, авторы которого ставили целью как дискредитацию российской политики в отношении стран СНГ, так и попытку вбить клин между ними.

Среди опасений, обычно выражаемых частью членов российских национал-патриотических сил, часто упоминается про-Западная ориентация Азербайджана и Грузии с анти-российской тенденцией, и формирующаяся при помощи США, Турции и ряда других стран ось Киев-Баку-Тбилиси (к которой иногда добавляется Ташкент). Но идея авторов этого анонимного доклада о контролируемой, с помощью Армении, дестабилизации в Грузии и Азербайджане, не имеет широкой поддержки и не совместима с принципами отношений со странами СНГ. Это дает возможность заключить, что их идеи вообще не имеют шансов быть реализованными. Однако, сам факт того, что такие концепции защищаются, указывает на важность Закавказья для России.

Проблемы, поставленные на карту в грузино-абхазском и армяно-азербайджанском конфликтах, имеют свое продолжение в российской внутривнутриполитической борьбе. Стороны в этих конфликтах не согласны с историей формирования закавказских государств и легитимностью их границ. Этот спор отражает дебаты в России относительно легитимности международных актов, благодаря которым были

созданы эти государства и их границы - с Договора 1921 года о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией до соглашений о превращении административных границ между бывшими союзными республиками СССР в межгосударственные границы. Некоторые российские приверженцы армянской национальной идеи требуют ревизии российско-турецкого договора. Есть также сторонники общей ревизии всей существующей системы границ между государствами в Закавказье. Полное признание существующих реальностей поддерживается защитниками плавного возобновления дружественных отношений Российской Федерации со всеми закавказскими республиками.

Со слов азербайджанского посла в Российской Федерации Рамиза Ризаева, активный сейчас разнообразный диалог между Москвой и Баку показывает, что “Азербайджан готов пойти на многостороннее сближение и интеграцию с Россией на взаимовыгодной основе, сделать отношения с ней настолько приоритетными, насколько это необходимо для устойчивого, бесконфликтного присутствия Азербайджана, равно как и самой России, в закавказском регионе”.(4)

Это приводит нас к другому выбору, с которым сталкивается Россия, который может рассматриваться как реальная дилемма, и который связан с нефтяными ресурсами Закавказья и путями их транспортирования. С одной стороны, российское министерство иностранных дел и некоторые другие официальные круги все еще стараются предотвратить одностороннюю эксплуатацию каспийских ресурсов до определения правового статуса Каспия всеми прибрежными государствами. С другой стороны, Россия не желает быть отстраненной от процесса, в котором на карту поставлены крупные интересы. Поддержанные правительством российские индустриальные и коммерческие круги стараются зарезервировать место для себя в будущей системе каспийского нефтяного производства. Некоторые политики обвиняют даже тесно связанную с государством “ЛУКойл” в том, что она, участвуя в нефтяных контрактах, не представляет “истинных национальных интересов” России.

Конкуренция между разными сторонами, вовлеченными в проблему трубопровода, является острой. Участниками используются различные виды “кнутов и пряника”. Например, Турция готова предоставить Азербайджану кредиты и займы, если Баку согласится на турецкий путь главного трубопровода. “Турецкий путь сократил бы уязвимость Европы от отключений, - пишет американский сторонник “турецкого варианта”, - защитил бы Босфор от экологического ущерба, и привел бы старых антагонистов к общему процветанию. Южный путь каспийской нефти также благоприятствовал бы усилению турецкого влияния в Средней Азии, а может быть даже затронул или прошел бы через Иран”.(5)

Российское правительство прилагает интенсивные усилия к тому, чтобы гарантировать включение России в новую систему производства и транспортирования нефти в этом регионе. В интересах всех закавказских государств было бы включение России в систему совместного производства и транспортирования нефти, к взаимной выгоде и взаимозависимости. Можно предположить, что при последовательных этапах процесса, нефтяной фактор будет играть объединяющую и интегрирующую роль не только для закавказских государств, но и также для этих государств и их соседей. Это именно так и потому, что по всей вероятности система дорог будет разнообразной, покрывая территорию нескольких государств. Однако проблемы политической стабильности, эффективности управления и экологической безопасности долгое время будут оставаться на повестке дня.

Один из недавних политических скандалов в России тесно связан с Закавказьем. Российский министр Аман Тулеев обвинил бывших российских военных лидеров в незаконных поставках оружия в Ереван. Генерал Лев Рохлин подтвердил это обвинение, предъявив список поставленных в Армению вооружений, (включая 8 ракетных комплексов Р-17). Вскоре Турция обвинила Армению в снабжении

оружием террористов РКК, а турецкий руководитель аппарата заявил, что в северном Иране Турция перехватила российское оружие, которое через Иран Армения пересылала боевикам из РКК. Министром обороны Армении Вазгеном Саркисяном также указывалось на то, что вооружения Армении сегодня относительно превосходят уровни, зафиксированные Договором ОБЕ: 285 танков (вместо 220), 785 бронетранспортеров (вместо 220) и 336 артиллерийских установок (вместо 282). (6) В мае министр говорил о дестабилизирующей концентрации военных сил в Нахичевани, также как и по линии контакта Нагорного Карабаха с Азербайджаном в Гяндже и Кюрдамире.

Одна из выдвинутых российскими аналитиками интерпретаций утечки информации и скандала была основана на допущении того, что существует про-азербайджанское российское лобби, которое представляет интересы нефтяных компаний и определенных финансовых кругов, разыгравших эту карту. Некоторые аналитики пришли к заключению, что если в прошлые годы либеральные демократы поддерживали Армению и карабахское национальное движение, то в нынешней России либеральное крыло правительства и вообще “партии власти” более заинтересовано в возможных доходах от нефти и газа. Но достаточно ясно, что любые подобного рода объяснения очень упрощены и не отражают сложности внутренней политической жизни в России. Очевидно, что политический скандал относительно поставок оружия отражает внутреннюю политическую борьбу в России, которая не ограничена только лишь ее внешней политикой.

Острая политическая борьба вокруг проблем российской политики в отношении “ближнего зарубежья” является признаком новой тенденции в российской политической жизни. Четко определенные и обычно открыто обсуждаемые российскими средствами массовой информации, эти интересы оказывают свое влияние на процесс принятия решений. Различные политические силы, министерства и агентства, фирмы и компании стараются сказать свое слово в этом. Стоящие за этим процессом мотивы в общем связаны с прямыми коммерческими, финансовыми, фискальными и политическими интересами этих групп. Может возникнуть вопрос, способна ли при этих обстоятельствах Россия проводить выдержанную и последовательную политику. Я думаю, что это возможно.

Когда в начале 1996 года Евгений Примаков был назначен министром иностранных дел России, он много внимания уделил превращению министерства в единственный профессиональный правительственный институт, наделенный полномочиями иметь дело с внешней политикой, и почти справился с поставленной целью. Он также сформулировал новую иерархию приоритетов в российской внешней политике. Как он заявил, после своего назначения, на конференции российских послов в странах СНГ в начале 1996 года, Содружество является главной областью российской внешнеполитической деятельности. В этом отношении российская дипломатия преследует три главных цели. Во-первых, она ищет любого возможного укрепления интеграционных процессов; во-вторых, поддержание стабильности и урегулирование местных конфликтов для укрепления тем самым безопасности России и других стран СНГ; в-третьих, разрешение посредством сотрудничества и интеграционных механизмов гуманитарных проблем российских граждан и проживающих в странах Содружества соотечественников.

В 1996 и 1997 годах продолжалась напряженность между Россией и Грузией в отношении роли и функций российских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта. Тбилиси настаивал на придании российским миротворцам дополнительных функций по поддержанию порядка в Гальском районе в целях обеспечения безопасного возвращения беженцев. Российская сторона не проявляла никакого желания превратить своих миротворцев в полицейские силы. Однако, в начале 1997 года на регулярной встрече в верхах главы государств СНГ решили придать миротворческим силам в Абхазии дополнительные функции. Реализация этого решения натолкнулась на трудности не из-за сопротивления российских военных, а потому что расширение мандата миротворцев требует согласия обоих

конфликтующих сторон. Абхазия категорически отказалась допустить продление мандата в таких условиях. Грузия, со своей стороны, стала заявлять, что без расширения функций российских миротворцев она не согласится на продление мандата.

При любой вероятности российские лидеры были удовлетворены преобладающей ситуацией, так как это позволяло им отложить расширение функций миротворцев, чреватое непредсказуемыми последствиями и вероятно также людскими потерями. Шеварднадзе угрожал выводом миротворческих сил, но Россия, при поддержке ряда Западных лидеров, смогла убедить его не делать этого, так как уход миротворцев означал бы опасность возобновления вооруженного конфликта. Лишь немногие грузинские политики верили в то, что если миротворцы покинут свои посты, то отсутствие разделяющего Грузию и Абхазию препятствия помогло бы им начать вскоре прямой диалог.

Жесткая критика деятельности российских миротворцев в Грузии продолжалась. Шеварднадзе был сильно сжат обстоятельствами: судьба около 200,000 грузинских беженцев из Абхазии становилась все более нестерпимой. Обеспечение их возвращения и безопасности является категорическим императивом для грузинского руководства. В то же время, абхазские лидеры прилагают всяческие усилия, чтобы не допустить возвращения к ситуации, при которой абхазы могли бы вновь оказаться в меньшинстве (они составляли менее чем 20 процентов довоенного населения Абхазии) или, по крайней мере, ограничить или отложить как можно дальше возвращение беженцев в надежде на то, что, в конечном итоге, немногие пожелают вернуться.

Отвечая на критику российской миротворческой деятельности, в марте 1997 года Борис Ельцин сказал на встрече глав государств СНГ: “Сохранение мира куплено большой ценой, как материальной, так и человеческой. Эта цена оплачена главным образом Россией. Защищая стабильность в зоне конфликта, мы защищаем ее во всем Содружестве, но не получаем должной поддержки. Более того, мы слышим выражение недовольства и претензий против нас. Если наша помощь не нравится кому-либо, мы готовы вывести российских миротворцев”.(7)

С целью побудить Россию занять более приемлемую позицию в отношении грузино-абхазского конфликта, Тбилиси также использовал другой инструмент давления - ратификацию соглашения о российских военных базах на территории Грузии. Как Шеварднадзе, так и лидеры грузинского парламента неоднократно заявляли, что если Россия не достигнет прогресса в урегулировании конфликта, то соглашение не будет ратифицировано. Однако это не единственный компонент. Российские военные сыграли важную роль в приходе Шеварднадзе к власти, и ему нужно было их присутствие до тех пор, пока острый внутренний кризис в республике не был преодолен. Как только он установил минимальную политическую стабильность и смог укрепить свои позиции, использование российского военного присутствия, как одного из гарантов стабильности, стало излишним.

В 1992 году Закавказский Военный округ, который функционировал в советский период, был преобразован в Группу Российских Войск в Закавказье (ГРВЗ). Войска, численностью в десять тысяч, расположены на четырех базах, три из них в Грузии (Вазиани, Батуми и Ахалкалаки) и одна в Армении (в Гюмри, но один полк расположен в Ереване). Многие политики в Армении, и лишь немногие в Грузии, считают что присутствие российских войск в регионе является стабилизирующим фактором. Грузинские парламентарии, которые все еще не согласны ратифицировать подписанный в 1995 году Договор о российских военных базах в Грузии, указывают, что их российские коллеги не желают ратифицировать Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Грузией. В свою очередь, российские парламентарии не удовлетворены условиями, которые выдвигаются грузинской стороной относительно быстрого восстановления юрисдикции Тбилиси над всей территорией государства или поддержки Россией военного строительства в Грузии.

Грузия занимает более уверенную позицию в отношении грузино-абхазского конфликта благодаря стабилизации ее внутривнутриполитической ситуации. Указывалось на несколько альтернатив в решении проблемы миротворческих сил в случае ухода России. Одной из альтернатив была замена российских миротворцев силами других стран СНГ, включая Украину и Азербайджан - республики, сохраняющие довольно тесные отношения с Грузией. Однако для принятия этой альтернативы требуется решение конференции на высшем уровне государств СНГ. Более того, Абхазия может оказать сопротивление этой альтернативе, опасаясь предубежденной позиции миротворцев из этих стран. В свою очередь, многие российские политики и военные заявляли, что до сих пор не существует альтернативы присутствию российских миротворцев. Несмотря на сделанное Ельциным заявление, Россия вряд ли готова вывести миротворческий контингент, оставив зону конфликта открытой для возобновления военных операций, которые неизбежно будут иметь место при отсутствии сдерживания.

Россия обеспокоена проявлением быстрого роста интереса к региону со стороны НАТО и других Западных военных структур. Г.Чуфрин и Х.Саундерс пишут: "Некоторые русские опасаются, что консервативные политики США могут быть заинтересованы в "сдерживании" России, если фактически не воспрепятствованию продолжению нормальных экономических и традиционных отношений России с ее собственными соседями".(8) Несмотря на то, что до недавнего времени правительство США не отвечало каким-либо способом на идею участия в миротворческих усилиях в регионе, летом 1997 года администрация Клинтона сама предложила посылку американских военных для наблюдения над урегулированием в регионе Нагорного Карабаха в рамках операции под эгидой ОБСЕ, вместе с контингентами из России и ряда европейских стран.(9)

Хорошо зная сложность ситуации и ответственность за ее разрешение, российское руководство попыталось в 1997 году предпринять более активные дипломатические шаги к урегулированию грузино-абхазского конфликта. Прибывший в августе в Тбилиси министр иностранных дел Евгений Примаков смог провести встречу между Эдуардом Шеварднадзе и Владиславом Ардзинба. Несмотря на огромную моральную и психологическую важность этой встречи, она не привела к какому-либо значимому прорыву во время грузино-абхазских переговоров.

Еще одна проблема, хотя и не такая значительная, которая возникла между Россией и Грузией, была проблемой раздела Черноморского флота. В ряде публичных заявлений Эдуард Шеварднадзе утверждал, что Грузия игнорировалась в ходе дележа кораблей Черноморского флота, хотя она имела те же права на него, что и Украина. Лишь в октябре 1997 года, после консультаций между военными делегациями России и Грузии, было подписано соглашение о передаче Грузии четырех боевых кораблей,(10) хотя судя по комментариям российской прессы, это были не боевые, а вспомогательные суда. Тем не менее, это российский вклад в создание грузинского военно-морского флота, который укрепляет позиции Тбилиси в зоне конфликта.

Были предприняты также попытки достичь прорыва в карабахском конфликте. Россия, вместе с США и Францией, как со-председателями Минской группы, летом 1997 года предложила новый план урегулирования. По оценке американской дипломатии, это оказалось наиболее значительным шагом Москвы навстречу Западу в усилиях по сближению позиций сторон и достижению реальной перемены к лучшему. Несмотря на это, определенная напряженность в отношениях между Россией и Западом, в особенности США, осталась, и обе стороны продолжают подозревать друг друга в гегемонизме и желании доминировать в регионе ради ущерба интересам другой стороны. Попытки России сделать роль других государств СНГ в миротворческих усилиях более активной натолкнулись на нежелание со стороны большинства из них. Некоторые правительства вообще не были заинтересованы в участии в какой-либо миротворческой деятельности, так как районы конфликта были слишком далеки от них (такой была позиция Беларуси). Другие правительства не имели достаточных ресурсов и их участие было бы

символическим (наподобие участия Узбекистана в миротворческой деятельности в Таджикистане). Не склонны правительства СНГ и дополнять Россию в этих усилиях.

Поэтому, с одной стороны, Россия не смогла убедить другие государства СНГ разделить ношу миротворчества, и на практике осталась почти единственным государством в Содружестве, которое несет ответственность и финансовую ношу миротворчества. С другой стороны, некоторые государства СНГ запустили свои собственные механизмы миротворчества, ориентируясь на сотрудничество с Западным миром. Таким был казахо-киргизо-узбекский объединенный батальон. 15 сентября 1997 года военное учение ЦентрасБат-97 началось в Казахстане и Узбекистане с участием этого батальона и воздушно-десантной дивизии 82-й армии США. Несмотря на то, что символические подразделения из России и других стран присоединились к этим войскам на учениях, приземление воздушно-десантных войск США вблизи от российской границы вряд ли было приятным опытом для России. Эта острота была усилена комментариями генерала Джона Шихана, командующего Атлантическими силами США, который сказал, что учение высветило тот факт, что “нет нации на лице земли, куда мы не можем ступить”.(11)

Для нового саммита государств СНГ в Кишиневе в октябре 1997 года, российская дипломатия подготовила предложение по созданию специального комитета по конфликтам в СНГ. Но это предложение, выдвинутое Евгением Примаковым, не было поддержано главами государств СНГ, что свидетельствовало об углублении различий во взглядах правительств этих государств на такие существенные проблемы их политической жизни, как конфликты и миротворчество. В то же время, миротворческая деятельность государств-членов СНГ является составной частью проекта программы по развитию их военного сотрудничества вплоть до 2001 года.

Несмотря на отсутствие реального прогресса в урегулировании конфликтов в Закавказье, Россия может рассматривать в качестве главного дипломатического успеха ее роль в поддержке Молдово-Приднестровского и Таджикистанского мирных процессов.

Нереально считать, что такие затяжные конфликты как закавказские, могут быть разрешены быстро и легко. Конечный успех зависит главным образом от политической воли самих конфликтующих сторон. Но можно уверенно констатировать, что интерес России состоит в прекращении этих конфликтов, а не в их консервации. Однако это не исключает возможности того, что в плюралистическом российском обществе, которое живет в очень турбулентный переходный период, нет сил, которые стараются эксплуатировать существующие конфликты и даже их возбуждать с целью извлечения из них политической выгоды в своей борьбе за власть.

Российские интересы в “ближнем зарубежье”, которые могут диктовать поведение Москвы в отношении пост-советских конфликтов, могли бы быть сформулированы в терминах следующих целей: обеспечивать безопасность и стабильность; создавать благоприятные условия для торговли и экономической деятельности; формировать дружественную окружающую среду; не позволять ни одному из государств СНГ находиться в сфере доминирования третьего государства; предотвращать предпринимаемые с территории СНГ враждебные России действия; гарантировать способность охраны границ СНГ; защищать права российского населения; предотвращать контрабанду наркотиков и оружия, и неконтролируемые миграции людей; разрешать существующие межгосударственные и межэтнические конфликты, и предотвращать вспышки новых.

Закавказские государства могут извлекать выгоду из того факта, что российская политическая элита в общем благоприятно смотрит на установление широкого сотрудничества с ними, рассматривая их полную независимость как “свершившийся факт” и обращаясь с ними в полном соответствии с международным правом.

Популярность интеграционистских идей среди российского электората сегодня вынудила тех политиков либеральной ориентации, которые лишь недавно открыто провозглашали изоляционизм - утверждая, что почти все бывшие республики СССР будут лишь ношей для России - настаивать сейчас на экономической интеграции не только с Закавказьем, но и со Средней Азией. Это означает, что Закавказье будет оставаться в рамках существенных (но не первостепенных) внешнеполитических приоритетов России. Россия почувствует себя более комфортно, когда она будет иметь дело с сотрудничающим и объединенным Закавказьем, свободным от конфликтов и не представляющим угрозы интересам безопасности России, освобождающем Москву от многих нош, и помогающем ей концентрироваться на развитии и успешном переходе к процветанию и демократии.

Примечания:

* Перевод с английского.

** **Виталий Наумкин** является профессором политологии, президентом Российского Центра Стратегических и Международных Исследований (Москва).

1. *Сегодня*, 24 ноября 1995 г.
2. Основы формирования системы коллективной безопасности в государствах-членах СНГ, Москва, 1996, с. 38.
3. *Независимая Газета*, 26 марта 1997 г.
4. *Независимая Газета*, 4 апреля 1997 г.
5. James Nathan, "Turkey Hedges Its Bets", *Perceptions*, Ankara, March-May 1997, Vol. II, No 1, p.36.
6. *Независимая Газета*, 14 мая 1997 г.
7. Как сообщало агентство Интерфакс.
8. G.Chufrin, H.Saunders, *The Politics of Conflict Prevention in Russia and the Near Abroad. The Washington Quarterly*. Autumn 1997, p.43.
9. *Независимая Газета*, 21 октября 1997 года.
10. *Постфактум*, 22 октября 1977 г.
11. *Западные и российские агентства*, 14-16 сентября 1997 г.; *Монитор*, 17 сентября 1997 года, том 14, No 172..

 [Предыдущая страница](#)

[Следующая статья](#)